

HISTORIA
ROSSICA

Безопасность Российской империи

ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУРСЫ,
ПРАКТИКИ
В XVIII–XIX ВЕКАХ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2026

УДК 94(47+57)«17/18»-049.5

ББК 63.3(47+57)521-3

Б40

Редакционная коллегия серии HISTORIA ROSSICA

*С. Абаишин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Рекомендовано к печати Ученым советом Европейского
университета в Санкт-Петербурге

Рецензенты: доктор исторических наук *Б. И. Колоницкий*,
кандидат исторических наук *Ю. А. Сафронова*

Б40 Безопасность Российской империи: проблемы, дискурсы, практики в XVIII–XIX веках / Коллективная монография под ред. И. Иванова, Н. Катцера, К. Дитце; пер. с нем. С. А. Медведева, Д. А. Сдвижкова. — М.: Новое литературное обозрение, 2026. — 800 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-3020-8

Военные и революционные потрясения XVIII–XIX веков — в ряду с новыми радикальными идеями и техническими новшествами — сформировали противоречивые настроения в странах Старого Света: с одной стороны, ощущение угрозы традиционному укладу жизни, с другой — надежду на прогресс в решении социальных проблем. Европейским монархам и главам государств приходилось искать новые способы сдерживания общественного беспокойства, что неизбежно влекло за собой и переосмысление основ государственной безопасности. В фокусе внимания данной коллективной монографии — реакция российского государства на политические и социальные вызовы, угрожавшие монархическому миропорядку (войны в Европе, национальные движения, демократизация жизни и др.). Авторы книги рассматривают, как процессы секьюритизации и этатизации преломляются в разных областях — от религии, экономики или управления приграничными территориями до техник наблюдения и контроля, знаменовавших переход к современному типу государства. В центре дискурса безопасности Российской империи оказываются вопросы, связанные с крепостным правом, сословным порядком, интеграцией нерусских народов в число подданных, веротерпимостью, а также доверием между дворянством и династией, серьезно пошатнувшимся после восстания декабристов. Коллективное исследование проводилось в широкой транснациональной перспективе.

УДК 94(47+57)«17/18»-049.5

ББК 63.3(47+57)521-3

В оформлении обложки использован фрагмент картины В. Ф. Тимма
«Лейб-гвардии Конный полк на Сенатской площади 14 декабря 1825 года». 1853.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фотограф: П. С. Демидов.

© И. Иванов, Н. Катцер, К. Дитце, состав, 2026

© Авторы, 2026

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2026

© ООО «Новое литературное обозрение», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Иванов, Николаус Катцер, Карола Дитце. Предисловие . . . 8

Часть I. Понятия и представления

Ингрид Ширле. «Покой и безопасность» как цели государства в Российской империи (XVIII — начало XIX века) 30

Денис Анатольевич Сдвижков. Семантика безопасности в России в XVIII–XIX веках в сфере частной жизни 65

Франциска Шедеви. Доверие и процедуры. Императорская семья и кризис безопасности после восстания декабристов 1825 года 83

Часть II. Идеологии и идеи

Майке Зах. «Изливается яд французской». «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) Александра Радищева как угроза безопасности 130

Андрей Юрьевич Андреев. Союз христианских монархов. Александр I и концепции коллективной безопасности в Европе 173

Часть III. Сословное общество и реформы

Владимир Васильевич Морозан. Русские финансы в первой четверти XIX века. Трудности и попытки их преодоления 210

Татьяна Васильевна Андреева. Александр I и тайные общества. К эволюции официальных представлений о внутренней безопасности Российской империи 240

Ирина Владимировна Ружицкая. «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством». Крестьянский вопрос в первой половине XIX века и проблема внутренней безопасности: новые подходы 281

Иван Асенович Иванов. «Праздность ума» и «пагубная роскошь полупознаний». Народное просвещение как объект политики внутренней безопасности в первой трети XIX века 313

Часть IV. Надзор и наблюдение

- Федор Леонидович Севастьянов* †. Перед III Отделением.
Опыт создания высших полицейских учреждений
современного типа в царствование Александра I 354
- Ольга Валериановна Эдельман*. Безопасность государства
в зеркале следствия по делу декабристов 380
- Алсу Назимовна Бикташева*. Методом проб и ошибок.
Административные реформы первых десятилетий XIX века
как необходимость обеспечения внутренней безопасности . . . 404
- Григорий Николаевич Бибииков*. Верховная власть и губернская
бюрократия. Надзор III Отделения С. Е. И. В. канцелярии
за губернаторами (1820–1830-е годы) 435
- Павел Владимирович Лизунов*. Российский рынок ценных бумаг.
Государство и предотвращение биржевых потрясений 475

Часть V. Развитие права и правовое сотрудничество

- Сильвия Кеспер-Бирманн*. Международное поле обсуждения
уголовно-правовых концепций безопасности. Государственные
преступления в контексте кодификации и создания
российского «Уложения о наказаниях» (1801–1845) 510
- Александр Юрьевич Бендин*. Институционально-правовое
регулирование веротерпимости и религиозно-политическая
безопасность Российской империи в XVIII—начале XX века 546
- Конрад Тирихтер*. Формирование транснациональных режимов
безопасности в первой половине XIX века.
На примере германо-российского сотрудничества
в борьбе с политическими преступлениями 619

Часть VI. Различия и периферии

Франк Неземанн. Интеграция Великого княжества Финляндского в Российскую империю как нетривиальная задача политики безопасности и административного управления 644

Кристиан В. Детмеринг. Концепции безопасности на Северном Кавказе между инструментализацией местных элит и внедрением собственных механизмов господства 677

Алексей Юрьевич Конев. «Иноземцы» превращаются в «инородцев». Народы Сибири в контексте внутренней безопасности Российской империи (XVII — первая четверть XIX века) 714

Послесловие. Нарративы и теории

Александр Мартин. Раздробленность или интеграция? Безопасность в России в период от Екатерины II до Александра I 752

Сведения об авторах 779

Указатель имен (*составлен А. А. Касимовской, Европейский университет, Санкт-Петербург*). 781

Иван Иванов, Николаус Катцер, Карола Дитце

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес исторической науки к вопросам безопасности, которые изначально обсуждались в социальных науках, политологии, психологии, пробудился прежде всего с осознанием того, что это понятие и его семантика изменчивы и зависимы от времени. Контингентность — черта всех эпох, она характеризует и эпоху «переломного времени» (Sattelzeit) на рубеже XVIII–XIX веков. Однако революции и войны, новаторские идеи и технические новшества, которые характеризуют этот период, вызывали достаточно противоречивые интерпретации и ожидания: с одной стороны, ощущение угрозы и вероятной потери унаследованных традиций, с другой — надежду на то, что прогресс исправит социальные проблемы. В сложной кризисной ситуации главы государств и коронованные особы искали пути и средства для сдерживания распространявшегося в обществе беспокойства принятием мер по наведению порядка — и самостоятельно, и в рамках транснационального сотрудничества. Возникавшие в таких условиях режимы безопасности имели немало общего, но и различались из-за расхождения условий и вызовов. Для Российской империи в этом отношении исследованы отдельные вопросы, но в целом уровень ее изучения неудовлетворителен. Пришло время заполнить эту лакуну. Настоящий сборник призван стать первым шагом в этом направлении, очертив ключевые тематические поля дискурса безопасности Российской империи, чтобы их можно было оценить на фоне уже имеющихся результатов в других тематических контекстах и инициировать дальнейшие, в том числе сравнительные, исследования.

О КОНЦЕПЦИИ

Вопрос о динамике безопасности в Российской империи в эпоху революций и Реставрации 1790–1840 годов указывает на то, что исторические акторы, государственные институты и политические практики рассматриваются в новой перспективе. Предметы, уже привлекающие к себе все большее внимание в исследованиях раннего Нового времени и модерной эпохи, прежде всего для Западной Европы, все еще ждут своего рассмотрения применительно к другим национальным историям — и особенно истории Российской империи. Упомянутый выше полувековой период имеет особое значение для истории безопасности: ситуация с изначально открытыми во многом сценариями исторического и политического развития приобретает четкие очертания, имевшие долговременные последствия. При этом ни сложившимся ситуациям, ни их последствиям не следует приписывать детерминирующие свойства. Центральной составной частью политико-исторической ситуации начала XIX века и новым вызовом было напряжение между империей и нацией. Ответ на него, формировавшийся поэтапно, привел к первым проектам транснациональной политики безопасности, целью которой было обуздать национальные движения и контролировать их побочные социальные и политические явления. Ретроспективно в условиях современных кризисов ситуацию эпохи рубежа 1800 года зачастую интерпретируют как отдаленную параллель или аналогию началу XXI века.

Исходя из этого, исследования по истории безопасности видят как эту, так и другие эпохи в новом свете и разрабатывают комплексные концепции, различающиеся и по временному и пространственному охвату, и по их дисциплинарной направленности¹. Особенно важна постоянно верифицируемая система понятий, позволяющая называть, описывать и интерпретировать

¹ В социологической перспективе см.: *Sofsky W.* Das Prinzip Sicherheit. Frankfurt am Main, 2005; в политологической прежде всего: *Sicherheitskultur. Soziale und politische Praktiken der Gefahrenabwehr // Hrsg. C. Daase, V. Rauer, P. Offermann.* Frankfurt am Main; New York, 2012; для собственно исследований безопасности и международных отношений: *On Security / Ed. R. D. Lipschutz.* New York, 1995; *Buzan B., Weaver O., Wilde J. de.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder and London, 1998; *Balzacq T.* Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. New York, 2010.

гетерогенные исторические и социальные феномены. Ориентиры в быстро растущем поле исследований дают первые последовательные обзорные работы, в которых можно почерпнуть импульсы для специальных тематических разделов¹. Однако систематические концептуальные разработки для сравнения империй отсутствуют. Немногочисленные подходы в этом плане обычно привязаны отдельно к Британской и/или Германской империи². Применительно к Российской империи тема безопасности рассматривалась ранее в контексте XVIII века, а также эпохи новейшей российской и советской истории³. Важные импульсы в этой связи дала деятельность Междисциплинарной исследовательской группы «Динамика безопасности. Формы обеспечения безопасности в исторической перспективе» (проект SFB/Transregio 138), поддержанной Немецким научно-исследовательским сообществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft), в рамках работы которой и появился этот том.

В предыдущих исследованиях безопасности существенную роль играла связь между формами пространственной организации в Новое время и формированием понятия о безопасности как самостоятельной ценности. Еще предстоит выяснить отличия этих процессов в империях, особенно в Российской⁴. Исторически Российская империя ввиду своих размеров и малой плотности

¹ Введение в историю безопасности: *Conze E. Geschichte der Sicherheit. Entwicklung — Themen — Perspektiven. Göttingen, 2018; специально для раннего Нового времени: Sicherheitsprobleme im 16. und 17. Jahrhundert — Bedrohungen, Konzepte, Ambivalenzen. Problèmes de sécurité au XVIe et XVIIe siècles — menaces, concepts, ambivalences / Hrsg. R. Babel, H. Carl, C. Kampmann. Baden-Baden, 2019.*

² Из новой литературы см. прежде всего: *Caruso A. «Blut und Eisen auch im Innern». Soziale Konflikte, Massenpolitik und Gewalt in Deutschland vor 1914. Frankfurt am Main; New York, 2021; Krüger C. G. «Die Scylla und Charybdis der sozialen Frage». Urbane Sicherheitsentwürfe in Hamburg und London (1880–1900). Bonn, 2022.*

³ Ср.: *Stuchtey B., Wiegeshoff A. (In-)Securities across European Empires and Beyond. Mapping a New Research Field // Journal of Modern European History. 2018. Vol. 16. № 3. P. 321–334; Bauerkämper A. Einleitung: Sicherheitskulturen. Konzeptionelle Überlegungen aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive // Sicherheitskulturen im Vergleich. Deutschland und Russland/UdSSR seit dem späten 19. Jahrhundert / Hrsg. N. Rostislavleva. Paderborn, 2014. S. 7–31.*

⁴ Ср.: *Osterhammel J. Raumbeziehungen. Internationale Geschichte, Geopolitik und historische Geographie // Internationale Geschichte / Hrsg. W. Loth. München, 2000. S. 287–307; Maier C. S. Transformations of Territoriality. 1600–2000 // Transnationale Geschichte. Themen, Tendenzen und Theorien / Hrsg. G. Budde, S. Conrad, O. Janz.*

населения ориентировалась скорее на другие империи, чем на национальные государства и малые державы Европы. Существенные вызовы проистекали из географического положения государства с его протяженной территорией и нестабильными границами. Исследовательский фокус направлен, таким образом, прежде всего на то, чтобы реконструировать возникновение специфического понятия безопасности и рефлексию о нем в контексте, который соответствовал пространственным рамочным условиям. На рубеже XVIII–XIX веков во многих случаях ориентиры смещались от династии к государству. Однако ослабление значения династии и этатизация протекали так же неравномерно, как и процессы секуляризации и расширения сферы правового регулирования, которые не могли не иметь последствий для того, что начинало пониматься под «безопасностью» в функциональных элитах и в возникающей публичной сфере.

В основу концепции сформулированной таким образом темы положен ряд предпосылок. По существу, речь идет о трех предварительных соображениях¹. Во-первых, это утверждение, что географические пространства в «долгом» XIX веке постепенно переходили в трансграничные пространства коммуникации. В этих пространствах коммуникации происходили процессы разнообразного обмена опытом и трансфера знаний, наблюдения друг за другом и определения новых вызовов совместно или друг против друга. Это относится к первым международным структурам, таким как Священный союз, но в равной степени и к тайным обществам — например, декабристов и демократов-националистов Джузеппе Мадзини². Во-вторых, это

Göttingen, 2006. S. 32–55; *Jureit U.* Das Ordnen von Räumen. Territorium und Lebensraum im 19. und 20. Jahrhundert. Hamburg, 2012.

¹ Они опираются на исследование: *Dietze C.* Die Erfindung des Terrorismus in Europa, Russland und den USA 1858–1866. Hamburg, 2016. Ср. также: *The Invention of Terrorism in Nineteenth Century Europe, Russia, and the United States // The Oxford Handbook of the History of Terrorism / Ed. C. Verhoeven.* New York; Oxford, 2022. P. 187–213.

² См.: *Mazzini and the Globalisation of Democratic Nationalism, 1830–1920 / Ed. by C. A. Bayly, E. F. Biagini.* Oxford, 2008; *Späth J.* Transnational Revolutionaries in the Europe of the 1820s: Self-Understanding and Self-Staging // *Revolutionary Biographies in the 19th and 20th Centuries. Imperial — Inter/national — Decolonial / Ed. by S. Dahlke, N. Katzer, D. Sdvizhkov.* Göttingen, 2024. P. 171–191.

предположение, что развитие режимов безопасности в XIX веке представляло собой нечто вроде процесса обучения, которому следовали монархи, правительства, государственные медиа и возникающая публичная сфера, а также отдельные сегменты общества. И наконец, в-третьих, важное базовое предположение, что это обучение внутри пространств коммуникации во многом представляло собой процессы трансфера, прежде всего в сферах права, управления, полиции и идеологии. Очерченные соображения образуют рамку для исследований, представленных в данном сборнике.

Исходя из сказанного для истории безопасности вытекают многообразные исследовательские задачи. Так, историки должны не только различать специфику эпох и регионов, империй и (национальных) государств, но и, применяя общие концепции безопасности, видеть также особенности и отклонения, чтобы иметь возможность описать и анализировать их как можно более точно. Кроме того, возникают вопросы о специфическом характере рецепции и воздействия революционных идей и принципов, а также об их кратко-, средне- и долгосрочных последствиях. Рецепция обычно означала и новую интерпретацию. Насколько новыми или оригинальными были меры властей? Каким традициям или заимствованным образцам они следовали? Каким образом были адаптированы? Какие сегменты общества затрагивали? На эти и другие вопросы авторы сборника пытаются ответить применительно к Российской империи.

ДИНАМИКА БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Речь далее, таким образом, пойдет о сравнительных исследованиях изменения конкретных мер безопасности в отношении политических режимов, а также представляющих их глав государств, членов правительства, чиновников и других представителей элит, а также, насколько возможно, различных групп населения, перед лицом вызовов со стороны революционных или контрреволюционных идей; особое внимание будет обращено на процессы трансфера. Фокус в представленных в данной коллективной монографии работах направлен на отдельные

сферы внутренней и внешней безопасности Российской империи и имеет целью осветить конкретные детали изменения дискурса, практик и культуры безопасности с 1790 по 1840-е годы.

В систематической перспективе при этом вырисовывается широкий спектр мер. К нему относятся, во-первых, учреждение новых институтов, а также расширение и переустройство старых. Примерами могут служить расширение и реформа деятельности городской полиции и жандармерии, создание высшей и тайной полиции, цензуры прессы, а также создание органов по специальным поводам, как, например, Следственной комиссии по делу декабристов, учрежденной в 1825 году в Санкт-Петербурге. Во-вторых, расширение старых, а также разработка новых техник наблюдения, опроса, надзора и контроля, с помощью которых государство наблюдало за обществом, а также за самим собой, — например, предписывая сообщать о злоупотреблениях со стороны чиновников. Примерами технических мер могут быть системы сбора данных — удостоверение личности, паспортная система, регистрация жителей, — а также использование тайной полиции в штатском и осведомителей, или систематический прием и последующее движение доносов, или формирование регулярной системы донесений внутри страны и из-за границы, как, например, в российской тайной полиции. В-третьих, к этой сфере относятся также концептуализация и разработка новых правовых средств, таких как определение государственных преступлений — включая, например, государственную измену и оскорбление величества, — а также введение чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, осадного положения. В-четвертых, помимо таких институциональных, технических и правовых мер важными для дискурса безопасности становятся и новые политические предметы — например, социальные вопросы, такие как крепостное право, сословный порядок или вмешательство в религиозную политику. Наконец, в-пятых, появились новые легитимирующие нарративы — например, об отношении России к другим империям или «Западу».

Как в западных, так и в русскоязычных исследованиях существует давняя традиция рассматривать Россию прежде всего как часть европейской системы держав. Из этого следовала возможность сравнения социальных и культурных систем. После

1989–1991 годов и распада Советского Союза сравнительное исследование империй переживало подъем. Однако изначально в рамочном плане оно не выходило за пределы истории европейских держав и Османской империи, хотя обращение к азиатским регионам предполагало возможность расширения¹. По-другому акценты расставило лишь новое понимание России как колониальной империи, с апробацией теорий, заимствованных из истории других империй². С тех пор в фокус попали такие регионы Российской империи, как Аляска, Сибирь и Центральная Азия. Хотя они и до того не были обойдены вниманием исследователей, но редко понимались как колонии. Серьезное внимание привлек к себе к настоящему времени также «железнодорожный империализм» с конца XIX века, охватывающий территории вплоть до Дальнего Востока³. Наконец, новейшие исследования обновили прежние концепции о России как морской державе⁴. Пока эти исследования в значительной степени ведутся независимо друг от друга. Их увязывание между собой могло бы показать, в какой степени зависимые друг от друга тенденции развития следовали здесь согласованным целевым установкам, рассматривавшим отдельные периферии как хотя и отдаленные, но связанные воедино части политического целого. «Новая имперская история» за последнюю четверть века внесла в этом отношении важные акценты: с одной стороны,

¹ Ср. прежде всего: *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, 2001; *Münkler H.* Imperien. Die Logik der Weltherrschaft. Vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. Berlin, 2005; *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010.

² См.: *Вульпиус Р.* Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке. М., 2023; *Павлинская Л. Р.* Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVIII — начало XX в.). СПб., 2014; *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.

³ *Barratt G.* Russia in Pacific Waters, 1715–1825. A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific. Vancouver, 1981; *Jones R.* Empire of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea, 1741–1867. Oxford, 2014; *Winkler M.* Das Imperium und die Seeotter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum, 1700–1867. Göttingen, 2016; *Шенк Ф. Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016.

⁴ *Demuth B.* Floating Coast: An Environmental History of the Bering Strait. New York, 2019.

для целостного рассмотрения империи, с другой — для представления окраинных областей как временами достаточно самостоятельных и оказывающих в этом качестве влияние на центр игроков¹.

Вызов истории безопасности для Российской империи заключается в том, что российские, немецкие и американские исследовательские дискурсы до сих пор мало связаны и скоординированы друг с другом. В каждой стране исследования и дебаты вписаны к тому же в более узкие рамки национальной историографии, что затрудняет возможность переноса результатов. В России история безопасности западных стран обычно попадает в поле всеобщей истории и прежде всего сферу компетенции немногочисленных специалистов по американской или немецкой истории. Аналогичным образом, историей безопасности Российской империи за рубежом занимаются почти исключительно специалисты по истории Восточной Европы. Положение, при котором исследовательские дискуссии практически не связаны друг с другом, усугубляется институциональной раздробленностью.

Эта фрагментация исследовательского поля оказывает воздействие на результаты и дискурсы исследований. Слабость сравнительной перспективы минимизирует возможность проверить постановку основных проблем на предмет соответствий или расхождений. Как показывают последующие исследования, например, полицейское государство первой половины XIX века не было особенностью российской истории, его сущность скорее отражало то, как в специфических условиях Российской империи ее власти противостояли транснациональному вызову революционных течений и адаптировали к этому политический режим. Таким образом, предметы, которые до сих пор рассматривались и исследовались изолированно, можно отнести к общему

¹ Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. В. Герасимов и др. Казань, 2004; Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов и др. М., 2006; Сибирь в составе Российской империи. Ред. Л. М. Дамешек. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи / Ред. С. Абашин и др. М., 2008; Северный Кавказ в составе Российской империи / Ред. Д. Ю. Арапов и др. М., 2007; Бессарабия в составе Российской империи: 1812–1917 / Ред. А. Кушко и др. М., 2012.

контексту политики безопасности, которая разрабатывалась на основе разнонаправленного опыта и трансфера знаний, постепенно расширялась и более или менее эффективно была институционализована¹. К таким предметам в узком смысле относятся цензура, коррупция, тайная полиция, политическая ссылка и эмиграция². Но все чаще в поле зрения государственных органов попадали и нерешенные социальные вопросы, поскольку они могли иметь с трудом просчитываемые последствия. В этом ряду можно назвать отмену крепостного права, необходимость (и риски) многоступенчатой образовательной системы («университетский вопрос»), веротерпимость, «субнациональный» регионализм и борьбу за национальное освобождение³. В настоящее время исследования подходят к многослойному тематическому комплексу с двух сторон, говоря как о безопасности государства, так и о безопасности *от* государства.

О КОНФЕРЕНЦИИ

С целью более тесной координации, в частности, немецких и российских исследовательских дискурсов по теме истории безопасности, в рамках Междисциплинарной исследовательской группы SFB «Динамика безопасности. Формы обеспечения

¹ Haan I. de, Zanten J. van. Constructing an International Conspiracy: Revolutionary Concertation and Police Networks in the European Restoration // *Securing Europe after Napoleon: 1815 and the New European Security Culture* / Ed. by B. de Graaf, I. de Haan und B. Vick. Cambridge, 2019. P. 171–192.

² Ср.: Зубков К. Ю. Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М., 2023; Абакумов О. Ю. «Безопасность престола и спойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019; Beer D. *The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsars*. London, 2016; Miller M. A. *The Russian Revolutionary Emigres, 1825–1870*. Baltimore, 1986.

³ Ср., например: Христофоров И. А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права, 1830–1890-е гг. М., 2011; Kusber J. *Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung*. Stuttgart, 2004; Werth P. *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford, 2014; Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных. Религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002; Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia*. Leiden, 2018; Stites R. *The Four Horsemen: Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe*. Oxford, 2014.

безопасности в исторической перспективе» Карола Дитце и Иван Иванов разработали концепцию международной конференции «Динамика безопасности в России в эпоху революций и Реставрации (1790–1840)», реализованную в координации с Николаусом Катцером 2–3 марта 2017 года в Университете Юстуса Либиха в Гисене¹.

Эта встреча преследовала две основные цели: с одной стороны, объединить и инициировать взаимодействие экспертного знания участников по теме истории безопасности в рамках очерченных подходов и руководящих вопросов. С другой стороны, речь шла о том, чтобы с помощью международных экспертов применить наблюдения и предпосылки истории безопасности к материалу Российской империи, используя этот кейс для тестирования общих подходов. Помимо этого, предполагалось рассмотреть теории и концепции безопасности Междисциплинарной исследовательской группы в рамках российской истории безопасности, проверив их на конкретных примерах. Таким образом, фокус был направлен на перспективы структурного сравнения, а также вопросы трансфера и рецепции.

Конференция была международной, междисциплинарной и многоязычной с участием исследователей из Германии, России и США — как историков раннего Нового времени, так и новой и новейшей истории. Были представлены дисциплины всеобщей истории, этнологии, истории образования, истории Восточной Европы, права, а также экономической истории. Большинство докладов вошли в настоящий сборник в виде расширенных и переработанных статей. Дополнительно редакторы пригласили шесть специалистов для написания статей, заполнивших тематические лакуны. Таким образом, настоящий том во многом опирается на конференцию, представленные там доклады, беседы и дискуссии, систематизируя результаты научного общения.

¹ О Междисциплинарной исследовательской группе «Динамики безопасности. Формы обеспечения безопасности в исторической перспективе» Немецкого научно-исследовательского сообщества в Гисене и Марбурге см.: <https://www.uni-marburg.de/de/sfb138> (последнее обращение: 30.01.2026); о подпроекте Bo4 «Безопасность государства и безопасность перед лицом государства в Европе, России и США в XIX в.» см.: <https://www.uni-marburg.de/de/sfb138/forschung/teilprojekt-bo4-1-foerderphase> (последнее обращение: 30.01.2026).

О НАСТОЯЩЕМ СБОРНИКЕ

Задачи данной коллективной монографии — применить инновативный подход как можно к более широкому спектру проблем, ввести в научный оборот тему, которой до сих пор уделяли мало внимания, и придать ей новую перспективу на основе широкого привлечения источников. Предпосылкой для этого служит использование концептуального инструментария, полученного в рамках междисциплинарных исследований последних десятилетий, для изучения российского материала. При этом на усмотрение авторам оставлялось то, в какой степени они готовы следовать концептуальным установкам, предложенным Междисциплинарной исследовательской группой. Новаторскими статьи сборника могут считаться уже постольку, поскольку они привлекли новые или мало использовавшиеся до сих пор источники и архивные материалы, критически пересмотрели традиционные позиции, осветили неизвестные аспекты, открыли новые перспективы, представили новые исследовательские интерпретации и обозначили новые исторические контуры. Новаторство статей состоит и в том, что они сводят под новый знаменатель до сих пор разобщенные темы и обогащают наши представления о сфере применимости соображений о внутренней и внешней безопасности. В целом авторы показательным образом и системно подходят к вопросу изменения дискурсов, практик и культуры безопасности в Российской империи в эпоху «переломного времени».

Сборник разделен на шесть частей. Первая часть, «Понятия и представления», посвящена истории понятий и исторической семантике. Статьи И. Ширле и Д. А. Сдвижкова в этой части впервые проводят для русского языка систематический анализ понятийного поля, релевантного для истории безопасности. Следуя проекту Райнхарта Козеллека «Основные исторические понятия», они исследуют историю понятий «безопасность», «спокойствие», «покой», «мир» и «тишина» в их отношении друг к другу и в сравнении с западноевропейскими основными понятиями. На основе нормативных текстов (прежде всего словарей) и официальных правительственных текстов (императорские манифесты, жалованные грамоты, указы) И. Ширле

показывает, как в XVIII и начале XIX века в процессе государственного строительства понятие «безопасность», распространенное с конца XVII века, развилось в официальном канцелярском языке в качестве эквивалента латинского «*securitas*» в правовое понятие безопасности для таких общественных сфер, как внешние границы и торговля. Параллельно этому неологизм «спокойствие» утвердился для обозначения позитивного, эмоционализированного представления о безупречном порядке во всем общежитии. Сдвижок на основе широкого спектра церковной и светской литературы, философских, исторических и государственных текстов показывает, что употреблявшийся с XI века общий термин «покой», восходящий к иудеохристианской традиции ветхозаветного субботства и обозначающий прежде всего в позитивном ключе внутренний «земной покой» и «благоденствие», с огосударствлением сферы безопасности был вытеснен правовым понятием «безопасность». Этот детальный анализ терминов в обоих текстах становится базой для всех последующих статей сборника.

Во второй части анализируются «идеологии и идеи» безопасности в Российской империи в эпоху революций и Реставрации. Три статьи этого раздела посвящены представлениям и концепциям безопасности, сформулированным в среде приближенной к верховной власти элиты и нашедшим отражение в различных типах источников. Предметом анализа в фокусе истории безопасности в статье М. Зах служит роман А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», а также его комментирование императрицей Екатериной II. Исследование А. Ю. Андреева посвящено концепциям и представлениям безопасности императора Александра I для внешней политики в период с 1802 по 1820 год. Основой служат личные высказывания Александра I в манифестах, декларациях и корреспонденции императора, а также опосредованно переданные им соображения в меморандумах, составленных статс-секретарем графом Иоанном Каподистрией в тесной координации с императором. Ф. Шедevi в своей статье анализирует представления и рекомендации по политике безопасности, которые в русле впечатлений от восстания декабристов 1825 года содержатся в неопубликованной личной переписке великой княгини Марии

Павловны в Веймаре и императрицы-матери Марии Федоровны в Санкт-Петербурге. Как показывает Шедеви, советы великой княгини из Веймара, которые она направляла через мать младшему брату императору Николаю I, были нацелены на восстановление доверия между дворянством и императорской семьей через легитимные процедуры. Эти три статьи в совокупности прослеживают в рамках истории безопасности на протяжении всего избранного для монографии периода поиск представителями правящей элиты новых ответов на вызовы политическому режиму.

Третья часть затрагивает тематическое поле, обозначенное в ее названии: «Словное общество и реформы». В первой статье по истории финансов В.В. Морозан на основе архивных источников анализирует нестабильное положение российских финансов в правление Александра I, а также предложения, направленные на экономическую стабилизацию государства, но оказавшиеся нереализуемыми из-за Наполеоновских войн. Во второй статье на основе опубликованных и неопубликованных личных документов Александра I, правительственных источников и мемуаров Т.В. Андреева рассматривает возникновение и развитие масонских лож и тайных обществ в России, а также усилия Александра I поставить такие общества на службу просветительской политике правительства. Автор прослеживает, как из многообразия этих тайных обществ вышли декабристские союзы, анализирует информацию, которой располагал Александр I о заговорах, меры, которые он принимал или игнорировал, а также внутренние и внешнеполитические объективные предпосылки, которые обусловили его подход к заговорам. И.В. Ружицкая рассматривает политику Александра I и Николая I в отношении аграрных реформ. Ее внимание сосредоточено на двойственном риске безопасности, который представлял вопрос освобождения крестьян для верховной власти и правительства: в отношении персональной безопасности государя со стороны дворянства и в отношении внутренней безопасности империи из-за крестьянских восстаний. И.А. Иванов на основе прусских и российских архивных источников исследует, как Николай I и его правительство в ответ на восстание декабристов перенимали опыт, накопленный

берлинскими властями с 1819 года в ходе преследования «демагогов» в Германском союзе. В результате в центре внимания государя и правительственных ведомств оказались народное просвещение и общественное мнение как факторы, имеющие непосредственное отношение к безопасности. После Июльской революции 1830 года во Франции и Польского восстания в этом контексте возникла формула «православие, самодержавие, народность», которая определяла правление Николая I и которую Иванов представляет как начало государственной педагогики в области безопасности и переход к современному типу государства превентивной безопасности. В целом эти четыре статьи, касающиеся темы тайных обществ, реформ государственных финансов, аграрной конституции и народного образования, затрагивают ключевые экономико-, социально-, политико- и культурно-исторические вопросы, значимые для правления Александра I и Николая I в отношении внутренней безопасности в широком понимании.

В фокусе четвертой части, озаглавленной «Надзор и наблюдение», — классические темы истории безопасности. Первое исследование Ф.Л. Севастьянова (†) посвящено учреждениям высшей полиции в начале XIX века. Севастьянов подчеркивает веху, которую означало вступление на престол Александра I в истории политического надзора в России, поскольку император упразднил зловещую Тайную экспедицию и запретил пытки. Не в последнюю очередь из-за обостряющейся конфронтации с наполеоновской Францией Александр I, однако, с 1805 года был вынужден создавать новые органы политического надзора, идя по пути создания межведомственных совещаний. На основе архивных источников Севастьянов представляет историю этих до сих пор скупо исследованных институтов и их работы. При основании III Отделения в 1826 году — первого ведомства современного типа, ответственного за охрану государственной безопасности в России, — Николай I опирался на эти структуры. Статья О.В. Эдельман сфокусирована на ходе восстания декабристов 14 декабря 1825 года и оценке этого события. На основе актов Следственной комиссии и связанных с ними отчетов описывается следственная процедура по делу против декабристов, реконструируются при помощи качественных

и количественных инструментов анализа политические цели, которые преследовались императором Николаем I и комиссией в ходе расследования. А. Н. Бикташева касается административных реформ Александра I, проведенных для проверки губернского управления. На основе материалов центральных и местных архивов она на примере Казанской губернии показывает, как проводимые Сенатом ревизии могли использоваться в своих интересах губернским предводителем дворянства. Предводитель и сеть его клиентов добились смещения губернатора графа И. А. Толстого, завалив губернатора и его чиновников ложными доносами и использовав ревизоров Сената для своих целей. Не в последнюю очередь поэтому император Николай I передал впоследствии проверку администрации высшей полиции. С этой темы начинается статья Г. Н. Бибикова. На основе материалов центральных государственных архивов он прослеживает, как Третье отделение в 1830-х годах превратилось в инструмент надзора за губернаторами и их административным аппаратом. На примере четырех губернаторов из разных частей Российской империи он также анализирует, как этот надзор выглядел на практике. Текст П. В. Лизунова представляет собой введение в историю российской биржи; автор показывает, как Николай I с помощью акционерного законодательства 1836 года — первого в своем роде в мире — пытался защитить мелких акционеров, чтобы гарантировать экономическую безопасность населения и государства. В целом исследования, касающиеся деятельности Следственной комиссии, реформ управления и высшей полиции, а также регулирования биржи в перспективе истории политических институтов, полиции, экономики и общества, затрагивают ключевые сферы деятельности правительства при Александре I и Николае I, которые относились к внутренней безопасности в узком смысле — как в оптике центра и периферии империи, так и с точки зрения соотношения намерений и реальной практики.

Три статьи в пятой части («Развитие права и правовое сотрудничество») затрагивают правовые аспекты. Статья С. Кеспер-Бирманн рассматривает в контексте европейского развития кодификацию уголовного кодекса в правление Александра I и Николая I с 1801 года до принятия «Уложения о наказаниях»

1845 года. При этом особое внимание Кеспер-Бирманн уделяет подходу к политическим преступлениям. Она привлекает немецкоязычные печатные источники (современные эпохе проекты уголовных кодексов и специальные журналы), чтобы описать и проанализировать трансфер в области уголовного законодательства из немецких земель. В статье показано, что конкретно и в какой мере в этом трансфере восходит к рецепции и участию немецких ученых — прежде всего Пауля Иоганна Ансельма Фейербаха и Людвиг Генриха фон Якоба. Исследование А. Ю. Бендина посвящено веротерпимости и религиозной дискриминации с начала XVIII века до конца императорской России. Основной акцент при этом делается на правлении Екатерины II, Александра I и Николая I. Бендин представляет принцип веротерпимости как правовой и административный институт империи, который служил для интеграции населения вновь завоеванных областей и имел исключительное значение для национальной политики и внутренней безопасности многонациональной империи. Поскольку императоры выступали как хранители православия, то, как показывает Бендин на основе современной публицистики и неопубликованных архивных источников, «институт веротерпимости», в отличие от принципа религиозной толерантности на Западе, включал в себя иерархизацию религий, из которой следовало правовое неравенство верующих. Для политики безопасности из этого парадоксальным образом вытекало то, что неправославные религиозные общины в империи (например, буддизм, ислам, иудаизм, католицизм, лютеранство) были в принципе защищены, даже если они сотрудничали с сепаратистскими национальными движениями, в то время как православные старообрядцы и отпавшие от православной церкви сектанты (в том числе и даже особенно при Николае I) подвергались суровой правовой и административной дискриминации, хотя они политически занимали сторону императора, невзирая на то что тот считал своей задачей установить среди этнических русских единоверие. К. Тирихтер, исходя из немецкой перспективы, освещает историю создания транснациональных структур безопасности между Россией, Австрией и Пруссией для борьбы с политическими преступлениями в контексте дипломатии Священного союза вплоть до

революции 1848 года. На основе современных публикаций (договоров и прессы), а также архивных материалов прусского правительства Тирихтер показывает, что сотрудничество в сфере политической безопасности между тремя государствами, хотя и ограниченное по времени и своему охвату, было вполне эффективным, поскольку со временем сформировались техники, шаблоны и культура сотрудничества, которые при необходимости могли быть востребованы и в краткосрочной перспективе. В целом указанные статьи тематизируют в перспективе истории политики и права формирование правовых режимов, которые занимались вопросами политических преступлений и национальной политики на национальном, имперском и транснациональном уровнях.

В фокусе шестой части — «различия и периферии» внутри царской империи. Ф. Неземанн рассматривает в своей статье завоевание Финляндии Россией в ходе Русско-шведской войны 1808–1809 годов, а также политику Александра I по интеграции Великого княжества Финляндского в Российскую империю. Привлекая материалы российских и финских архивов, Неземанн показывает, что указанная политика интеграции состояла из двух элементов: с одной стороны, существенной изоляции и от России, и от западных стран (в особенности Швеции), а с другой — автономии, уникальной для Российской империи и включавшей сохранение шведского права, не в последнюю очередь потому, что Александр I считал это право образцовым и для Российской империи. Исследование К. В. Детмеринга, основанное на российских архивах, служит введением в историю российского завоевания Северного Кавказа. Детмеринг анализирует в сравнительном ключе различные подходы при интеграции чеченцев и ингушей и показывает, как стереотипы по отношению к чеченцам и связанные с этим политические меры — в отличие от интеграции ингушей — привели к превращению нестабильной ситуации политической безопасности в перманентную. Статья А. Ю. Конева посвящена истории колонизации Сибири до нового устава, изданного императором Александром I в 1822 году. На основе центральных и местных архивов Тюмени и Тобольска Конев исследует правовую и административную интеграцию туземного населения Сибири,

которая привела к установлению специального правового статуса с политизированным понятием «инородец». В настоящий том не вошло изначально запланированное, однако опубликованное в другом издании исследование А. А. Комзоловой, которая на основе центральных российских архивов анализирует влияние внешнеполитических факторов на правительственную политику Николая I в «литовских губерниях» (нынешние Литва и Белоруссия)¹. Комзолова наглядно показывает, какие меры российского правительства и в какой форме затрагивали прежде всего польское население на русско-прусской границе, причем существенной целью администрации являлось оградить это население от революционных и националистических идей с Запада.

В целом три статьи обращаются к истории таких совершенно разных регионов Российской империи, как Финляндия, Северный Кавказ и Сибирь, интеграция которых была сопряжена с различными вызовами и следовала разной логике. В своем анализе авторы используют широкий спектр перспектив — от военной, политической истории и истории права до подходов социальной, экономической и культурной истории, а также истории понятий.

Заключительная статья А. Мартина рассматривает Российскую империю сквозь призму истории безопасности от раннего Нового времени до революции 1917 года. Мартин выделяет три фазы: до начала царствования Екатерины II главной угрозой Российскому государству была фрагментация — изнутри со стороны правящих элит, снизу из-за народных восстаний и извне из-за нечеткости и проницаемости границ. В переходной фазе от воцарения Екатерины II до смерти Александра I правительство, соответственно, пыталось добиться улучшенной интеграции вовнутрь, вниз и вовне. Однако непреднамеренные побочные следствия этой политики создали новые риски для безопасности и ослабили способность государства адаптироваться к вызовам XIX века.

¹ Комзолова А. А. «Охранение» Российской империи на западном рубеже: «литовские губернии» и российско-прусская граница в 1830 — начале 1840-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 64–124.

БЛАГОДАРНОСТИ

В заключение редакторы считают своим долгом выразить благодарность авторам сборника за скрупулезную работу над текстом, сотрудничество при внесении редакторской правки, а также за терпение и веру в то, что данная коллективная монография в конце концов выйдет в свет. Благодарим за перевод немецких статей на русский язык С. А. Медведева, а также Д. А. Сдвижкова, который, кроме того, взял на себя труд финальной подготовки текстов перед сдачей рукописи в издательство. Наконец, мы сердечно благодарны издательству «Новое литературное обозрение» за включение книги в издательскую программу и содействии в создании ее печатной версии.

Перевод с нем.: Д. А. Сдвижков

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Абакумов О. Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019.
- Бессарабия в составе Российской империи: 1812–1917 / Ред. А. Кушко и др. М., 2012.
- Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных. Религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002.
- Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке. М., 2023.
- Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов и др. М., 2006.
- Зубков К. Ю. Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М., 2023.
- Комзолова А. А. «Охранение» Российской империи на западном рубеже: «литовские губернии» и российско-прусская граница в 1830 — начале 1840-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 64–124.
- Междисциплинарная исследовательская группа SFB/Transregio 138 «Динамики безопасности», Гисен-Марбург: <https://www.uni-marburg.de/de/sfb138>; подпроект Во4 «Безопасность государства и безопасность от государства в Европе, России и США в XIX в.»: <https://www.uni-marburg.de/de/sfb138/forschung/teilprojekt-bo4-1-foerderphase>.
- Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. В. Герасимов и др. Казань, 2004.
- Павлинская Л. Р. Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVIII — начало XX в.). СПб., 2014.
- Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.

- Северный Кавказ в составе Российской империи / Ред. Д. Ю. Арапов и др. М., 2007.
- Сибирь в составе Российской империи / Ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007.
- Христофоров И. А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права, 1830–1890-е гг. М., 2011.
- Центральная Азия в составе Российской империи / Ред. С. Н. Абашин и др. М., 2008.
- Шенк Ф. Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016.
- Barratt G.* Russia in Pacific Waters, 1715–1825: A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific. Vancouver, 1981.
- Bauerkämper A.* Einleitung: Sicherheitskulturen. Konzeptionelle Überlegungen aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive // Sicherheitskulturen im Vergleich. Deutschland und Russland / UdSSR seit dem späten 19. Jahrhundert / Hrsg. N. Rostislavleva. Paderborn, 2014. S. 7–31.
- Beer D.* The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London, 2016.
- Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010.
- Buzan B., Wæver O., Wilde J. de.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder and London, 1998.
- Caruso A.* «Blut und Eisen auch im Innern». Soziale Konflikte, Massenpolitik und Gewalt in Deutschland vor 1914. Frankfurt am Main; New York, 2021.
- Conze E.* Geschichte der Sicherheit. Entwicklung — Themen — Perspektiven. Göttingen, 2018.
- Demuth B.* Floating Coast: An Environmental History of the Bering Strait. New York, 2019.
- Dietze C.* Die Erfindung des Terrorismus in Europa, Russland und den USA, 1858–1866. Hamburg, 2016.
- Dietze C.* The Invention of Terrorism in Nineteenth Century Europe, Russia, and the United States // The Oxford Handbook of the History of Terrorism / Ed. C. Verhoeven. New York; Oxford, 2022. P. 187–213.
- Giuseppe Mazzini and the Globalisation of Democratic Nationalism, 1830–1920 / Ed. by C. Bayly, E. F. Biagini. Oxford, 2008.
- Haan I. de, Zanten J. van.* Constructing an International Conspiracy: Revolutionary Concertation and Police Networks in the European Restoration // Securing Europe after Napoleon: 1815 and the New European Security Culture / Ed. by B. de Graaf, I. de Haan and B. Vick. Cambridge, 2019. P. 171–192.
- Jones R. T.* Empire of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea, 1741–1867. Oxford, 2014.
- Jureit U.* Das Ordnen von Räumen. Territorium und Lebensraum im 19. und 20. Jahrhundert. Hamburg, 2012.
- Krüger C. G.* «Die Scylla und Charybdis der sozialen Frage». Urbane Sicherheitssentwürfe in Hamburg und London (1880–1900). Bonn, 2022.
- Kusber J.* Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004.

- Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, 2001.
- Maier C. S.* Transformations of Territoriality, 1600–2000 // Transnationale Geschichte. Themen, Tendenzen und Theorien / Hrsg. G. Budde, S. Conrad, O. Janz. Göttingen, 2006. S. 32–55.
- Miller M. A.* The Russian Revolutionary Emigres, 1825–1870. Baltimore, 1986.
- Münker H.* Imperien. Die Logik der Weltherrschaft. Vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. Berlin, 2005.
- On Security / Ed. R. D. Lipschutz. New York, 1995.
- Osterhammel J.* Raumbeziehungen. Internationale Geschichte, Geopolitik und historische Geographie // Internationale Geschichte / Hrsg. W. Loth. München, 2000. S. 287–307.
- Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve / Ed. T. Balzacq. New York, 2010.
- Sicherheitskultur. Soziale und politische Praktiken der Gefahrenabwehr / Hrsg. C. Daase. Frankfurt am Main; New York, 2012.
- Sicherheitsprobleme im 16. und 17. Jahrhundert — Bedrohungen, Konzepte, Ambivalenzen. Problèmes de sécurité au XVIe et XVIIe siècles — menaces, concepts, ambivalences / Hrsg. B. Rainer, H. Carl, C. Kampmann. Baden-Baden, 2019.
- Smith-Peter S.* Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia. Leiden, 2018.
- Sofsky W.* Das Prinzip Sicherheit. Frankfurt am Main, 2005.
- Späth J.* Transnational Revolutionaries in the Europe of the 1820s: Self-Understanding and Self-Staging // Revolutionary Biographies in the 19th and 20th Centuries. Imperial — Inter/national — Decolonial / Ed. by S. Dahlke, N. Katzer, D. Sdvizhkov. Göttingen, 2024, P. 171–191.
- Stites R.* The Four Horsemen: Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe. Oxford, 2014.
- Stuchey B., Wiegeshoff A.* (In-)Securities across European Empires and Beyond. Mapping a New Research Field // Journal of Modern European History. 2018. Vol. 16. № 3. P. 321–334.
- Werth P.* The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, 2014.
- Winkler M.* Das Imperium und die Seeotter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum, 1700–1867. Göttingen, 2016.